

*... of England, very soon
... to many, about*

С Л О В О
О ПОЛКУ
ИГОРЕВЕ

*... and began to ...
... kind love
I remain dear
Your loving*

Аннотация

«Слово о полку Игореве» — величайший памятник древнерусского культурного наследия, историческая эпопея, созданная в конце XII века.

Основной сюжет книги посвящен неудачному походу на половцев Новгород-Северской дружины, возглавляемой князем Игорем. Однако в «Слове» припоминаются и другие события из русской истории, княжеские междоусобицы и битвы ранних времен.

Наряду с изображением сражений, автор не забывает поведать о жёнах русских воинов. Украшением книги, ее основной лирической темой является «Плач Ярославны» — поражающий глубиной своего драматизма монолог супруги Игоря, скорбящей о поражении мужа.

Краткие, но очень образные выражения, которыми характеризуется язык книги, вдохновили целую плеяду выдающихся русских литераторов на создание поэтических переложений «Слова».

Слово о полку Игореве, Игоря сына Святославля, внука Ольгова

Древнерусский текст

Древнерусский оригинал «Слова» (по изданию 1800 г.) воспроизводится в исправленном виде; все необходимые поправки внесены в текст. Орфография максимально приближена к современной.

Не лепо ли ны бѣшет, братие, начяти старыми словесы трудных повестий о полку Игореве, Игоря Святославлича! Начати же ся той песни по былинамъ сего времени, а не по замышлению Бояню! Боян бо вещей, аще кому хотяше песнь творити, то растекашется мысию по древу, серым волком по земли, шизым орлом под облакы. Помняшетъ бо речь первых времен усобице, — тогда пушашеть 10 соколовъ на стадо лебедей; который дотечаше, та преди песнь пояше старому Ярославу, храброму Мстиславу, иже зареза Редедю пред полкы касожьскими, красному Романови Святославличю. Боян же, братие, не 10 соколовъ на стадо лебедей пушаше, но своя вещиа персты на живая струны воскладаше; они же сами князем славу рокотаху.

Почнем же, братие, повесть сию от старого Владимира до ныняшнего Игоря, иже истягну умь крепостию своею и поостри сердца своего мужеством, наполнився ратнаго духа, наведе своя храбрья полкы на землю Половецкую за землю Руськую.

О Бояне, соловию старого времени! Абы ты сиа полкы ущекотал, скача, славию, по мыслену древу, летая умом под облакы, свивая славы оба полы сего времени, рища в тропу Трояню чрес поля на горы! Пети было песнь Игореву, того внуку: «Не буря соколы занесе чрес поля широкая, галици стады бежать к Дону великому». Чи ли воспети было, вещи Бояне, Велесовь внуце: «Комони ржуть за Сулою, звенить слава в Кыеве. Трубы трубять в Новеграде, стоять стязи в Путивле».

Игорь ждет мила брата Всеволода. И рече ему буй-тур Всеволод: «Один брат, один свет светлый ты, Игорю! Оба есве Святославличя. Седлай, брате, свои борзый комони, а мои ти готови, оседлани у Курьска напереди. А мои ти куряни — сведоми кмети: под трубами повити, под шеломы възлелеяны, конець копия въскормлени; пути имь ведоми, яругы имь знаеми, луци у них напряжени, тули отворени, сабли изострени; сами скачють, акы

серый волци в поле, ищучи себе чти, а князю славе».

Тогда Игорь возре на светлое солнце и виде от него тьмою вся своя воя прикрыты. И рече Игорь к дружине своей: «Братие и дружино! Луце ж бы потяту быти, неже полонену быти. А всядем, братие, на свои борзые комони, да позрим синего Дону!» Спала князю умь похоть, и жалость ему знамение заступи искусити Дону великаго. «Хощу бо, — рече, — копие приломити конець поля половецкаго с вами, русици! Хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомь Дону».

Тогда вступи Игорь князь в злат стремя и поеха по чистому полю. Солнце ему тьмою путь заступаше; ночь, стонуци ему грозою, птичь убуди; свист зверин вьста; збися Див, кличет верху древа — велит послушати земли незнаеме, Волзе, и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню, и тебе, тьмутораканьский болван! А половци неготовыми дорогами побегоша к Дону великому; кричат телегы полунощы, рци лебеди распужени.

Игорь к Дону вои ведет. Уже бо беды его пасет птицъ по дубию; волци грозу вьерожат по яругам; орли клетком на кости звери зовут; лисици брешут на черленыя щиты. О Руская земле, уже за шеломянем еси!

Долго ночь меркнет. Заря свет запала, мгла поля покрыла; щекот славий успе, говор галичь убудиси. Русичи великая поля черлеными щиты прегородиша, ищучи себе чти, а князю славы.

С зарания в пяток потопташа поганья полкы половецкыя и, рассушясь стрелами по полю, помчаша красныя девкы половецкыя, а с ними злато, и паволокы, и драгыя оксамиты. Орьтмами, и япончицами, и кожухы начаша мосты мостити по болотом и грязивым местом — и всякымн узорочьи половецкыми. Черлен стяг, бела хирюговь, черлена чолка, сребрено стружие — храброму Святославличю!

Дремлет в поле Ольгово хороброе гнездо. Далече залетело! Не было оно обиде порождено ни соколу, ни кречету, ни тебе, черный ворон, поганый половчине! Гзак бежит серым волком, Кончак ему след править к Дону великому.

Другаго дни велми рано кровавыя зори свет поведают; черныя тучя с моря идут, хотят прикрыти 4 солнца, а в них трепещуть синии молнии. Быти грому великому! Идти дождю стрелами с Дону великаго! Ту ся копием приламати, ту ся саблям потручяти о шеломы половецкыя, на реце на Каяле,

у Дону великаго. О Руская земле, уже за шеломянем еси!

Се ветри, Стрибожи внуци, веют с моря стрелами на храбрыя полкы Игоревы. Земля тутнет, реки мутно текутъ; пороси поля прикрывают; стязи глаголют — половци идутъ от Дона и от моря; и от всех стран Рускыя полкы оступиша. Дети бесови кликом поля прегородиша, а храбрии русици преградиша черлеными щиты.

Яр туре Всеволоде! Стоиши на борони, прыщещи на вои стрелами, гремлеши о шеломи мечи харалужными. Камо, тур, поскочяше, своим златым шеломом посвечивая, тамо лежат поганыя головы половецкыя. Поскепаны саблями калеными шеломи оварьскыя от тебе, яр туре Всеволоде! Кая рана дорога, братие, забыв чти, и живота, и града Чернигова, отня злата стола и своя милья хоти красныя Глебовны свычая и обычая!

Были вечи Трояни, минула лета Ярославля; были полци Олговы, Ольга Святославличя. Той бо Олег мечем крамолу коваше и стрелы по земли сеяше; ступает в злат стремянь в граде Тьмуторокане, — той же звон слыша давный великий Ярославль сын Всеволод, а Владимир по вся утра уши закладаше в Чернигове. Бориса же

Вячеславлича слава на суд приведе и на ковыле зелену паполому постла за обиду Ольгову, — храбра и млада князя. С тоя же Каялы Святополкъ полелея отца своего между угорскими иноходьцы ко святей Софии к Киеву. Тогда при Олзе Гориславличи сеяшется и растяшетъ усобицами, погибашеть жизнь Даждьбожа внука, в княжих крамолах веци человекомъ скратишась. Тогда по Руской земли ретко ратаеве кикахуть, но часто врани граяхуть, трупиа себе дяляче, а галици свою речь гозоряхуть, хотять полетети на уедие. То было в ты рати и в ты полкы, а сицеи рати не слышано.

С зараниа до вечера, с вечера до света летят стрелы каленыя, гримлют сабли о шеломы, трещат копия харалужныя в поле незнаеме, среди земли Половецкыи. Черна земля под копыты костыми была посеяна, а кровию польяна; тугою взыдоша по Руской земли.

Что ми шумить, что ми звонить далече рано пред зорями? Игорь полкы заворочает: жаль бо ему мила брата Всеволода. Бишася день, бишася другый; третьяго дни к полуднию падоша стязи Игоревы. Ту ся брата разлучиста на брезе быстрой Каялы; ту кроваваго вина не доста; ту пир докопчаша храбрии русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую. Ничить трава

жалощами, а древо с тугою к земли преклонилось.

Уже бо, братие, не веселая година встала, уже пустыни силу прикрыла. Встала обида в силах Дажьбожа внука, вступила девою на землю Трояню, всплескала лебедиными крылы на синем море у Дону: плещучи, упуди жирня времена. Усобица князем на поганя погыбе, рекоста бо брат брату: «Се мое, а то мое же». И начяша князи про малое «се великое» молвити, а сами на себе крамолу ковати. А погании с всех стран прихождаху с победами на землю Рускую.

О, далече зайде сокол, птиць бья, к морю! А Игорева храбраго полку не кресити! За ним кликну карна, и жля поскочи по Руской земли, смагу мычючи в пламяне розе. Жены руския въсплакашась, аркучи: «Уже нам своих милых лад ни мыслию смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати, а злата и сребра ни мало того потрепати!»

А встона бо, братие, Киев тугою, а Чернигов напастьми. Тоска разлися по Руской земли, печаль жирна тече средь земли Рускыи. А князи сами на себе крамолу коваху, а погании сами, победами нарищуце на Рускую землю, емляху дань по беле от двора.

Тии бо два храбрая Святославлича, Игорь и Всеволод, уже лжу убудиста, которую то бяше успил отец их Святославъ грозный великий Киевский грозою: бяшетъ притрепетал своими сильными полкы и харалужными мечи; наступи на землю Половецкую; притопта холми и яругы; взмути реки и озеры; иссуши потоки и болота; а поганого Кобяка из луку моря от железных великих полков половецких, яко вихр, выторже, — и падесея Кобяк в граде Киеве, в гриднице Святослави. Ту немци и венецици, ту греци и морава поют славу Святославлю, кають князя Игоря, иже погрузи жир во дне Каялы, реки половецкия, рускаго злата насыпаша. Ту Игорь князь выседе из седла злата, а в седло кощиево. Уныша об градом забралы, а веселие пониче.

А Святославъ мутен сон виде в Киеве на горах. «Си ночь, с вечера, одевахуть мя — рече — черпахуть ми синее вино, с трудомъ смешено; сыпахуть ми тощими тулы поганых толковин великий женчюгъ на лоно и неговахуть мя. Уже доски без кнеса в моем тереме златоверсем; всю ночь с вечера босуви врани възгряху у Плеснеска на болони, беша дебрь Кисаню и не сошлю к синему морю».

И ркоша бояре князю: «Уже, княже, туга умь полонила: се бо два сокола слетеста с отня стола злата поискати града Тьмутороканя, а любо испити шеломомь Дону. Уже соколома крильца припешали поганых саблями, а самую опуташа в путины железны. Темно бобе в 3 день: два солнца померкоста, оба багряная столпа погасоста и с ними молодая месяца, Олег и Святослав, тьмою ся поволокоста и в море погрузиста, и великое буйство подаста хинови. На реце на Каяле тьма свет покрыла: по Руской земли прострошася половци, аки пардуже гнездо. Уже снесся хула на хвалу; уже тресну нужда на волю; уже вержеся Дивь на землю. Се бо готския красныя девы воспеша на брезе синему морю, звоня рускым златом; поют время Бусово, лелеют мечь Шароканю. А мы уже, дружина, жадни веселия».

Тогда великий Святослав изрони злато слово, с слезами смешено, и рече: «О, моя сыновчя, Игорю и Всеволоде! Рано еста начала Половецкую землю мечи цвелити, а себе славы искати: но не честно одолесте, не честно бо кровь поганую пролиясте. Ваю храбрая сердца в жестоцем харалузе скована, а в буести закалена. Се ли створисте моей сребрени седине!

А уже не вижду власти сильнаго и богатаго и

многовая брата моего Ярослава с черниговскими былями, с могуты, и с татраны, и с шельбиры, и с топчакы, и с ревугы, и с ольберы: тии бо бесщитовь с засапожники кликом полкы побеждают, звонячи в прадеднюю славу.

Но рекосте: «Мужаимеся сами, преднюю славу сами похитим, а заднюю си сами поделим!» А чи диво ся, братие, стару помолодити! Коли сокол в мытех бывает, — высоко птицъ възбивает, не даст гнезда своего в обиду. Но се зло: княже ми непособие — наниче ся години обратиша. Се у Рим кричат под саблями половецкыми, а Володимир — под ранами. Туга и тоска сыну Глебову!

Великий княже Всеволоде! Не мыслию ти прелетети издалеча, отня злата стола поблюсти? Ты бо можеши Волгу веслы раскропити, а Дон шеломы выльяти. Аже бы ты был, то была бы чага по ногате, а кощей по резане. Ты бо можеши посуху живыми шерешеры стреляти — удалыми сыны Глебовы.

Ты, буй Рюриче и Давыде! Не ваю ли вои злачеными шеломы по крови плаваша? Не ваю ли храбрая дружина рыкают, акы тури, ранены саблями калеными, на поле незнаеме! Вступита, господина, в злат стремянь за обиду сего времени,

за землю Рускую, за раны Игоревы, буюго
Святославлича!

Галички Осмомысле Ярославе! Высоко
седиши на своем златокованнем столе, подпер горы
угорскыи своими железными полки, заступив
королеви путь, затворив Дунаю ворота, меча
бремены чрез облаки, суды рядя до Дуная. Грозы
твоя по землям текут; отворяеши Киеву врата,
стреляеши с отня злата стола салтани за землями.
Стреляй, господине, Кончака, поганого кощея, за
землю Рускую, за раны Игоревы, буюго
Святославлича!

А ты, буй Романе, и Мстиславе! Храбрая
мысль носит ваш ум на дело. Высоко плаваеши на
дело в буюсти, яко сокол, на ветрех ширяеши, хотя
птицю в буюстве одолети. Суть бо у ваю железный
папорзи под шеломы латинскими: теми тресну
земля, и многи страны — Хинова, Литва, Ятвязи,
Деремела и Половци — сулицы своя повергоша а
главы своя подклониша под тьи мечи харалужныи.
Но уже, княже, Игорю утрпе солнцю свет, а древо
не бологом листвие срони — по Роси и по Сули
гради поделиша. А Игорева храбраго полку не
кресити. Дон ти, княже, кличет и зоветь князи на
победу. Олговичи, храбрыи князи, dospели на
брань.

Ингварь и Всеволод и вси три Мстиславичи, не худа гнезда шестокрылци! Не победными жребии собе власти расхытите! Кое ваши златыи шеломы и сулицы ляцкии и щиты! Загородите полю ворота своими острыми стрелами за землю Рускую, за раны Игоревы, буюго Святославлича!

Уже бо Сула не течет сребренными струями к граду Переяславлю, и Двина болотом течет оным грозным полочаном под кликом поганых. Един же Изяслав, сын Васильков, позвони своими острыми мечи о шеломы литовския, притрепа славу деду своему Всеславу, а сам под черлеными щиты на кроваве траве притрепан литовскими мечи, и схотию на кровать и рек: «Дружину твою, княже, птицъ крылы приоде, а звери кровь полизаша». Не бысть ту брата Брячяслава, ни другаго — Всеволода. Един же изрони жемчюжну душу из храбра тела чрес злато ожерелие. Унылы голоси, пониче веселие, трубы трубят городеньскийи.

Ярославе и вси внуце Всеслави! Уже понизить стязи свои, вонзить свои мечи вережени — уже бо выскочисте из дедней славе. Вы бо своими крамолами начясте наводити поганья на землю Рускую, на жизнь Всеславию. Которою бо беше насилие от земли Половецкыи».

На седьмом веце Трояни врьже Всеслав жребий о девицю себе любу. Той клюками подпрься, оконися и скочи к граду Киеву, и дотчесь стружием злата стола Киевскаго. Скочи от них лютым зверем в полночи из Белаграда, обесися сине мьгле; утръ же возни стрикусы, отвори врата Новуграду, разшибе славу Ярославу, скочи волком до Немиги с. Дудуток. На Немизе снопы стелют головами, молотят чепа харалужными, на тоце живот кладут, веют душу от тела. Немизе кровави брезе не бологом бяхуть посеяни — посеяни костью руских сынов. Всеслав князь людем судяше, князем грады рядяше, а сам в ночь волком рыскаше; из Киева дорискаше до кур Тмутороканя, великому Хорсови волком путь прерыскаше. Тому в Полотске позвониша заутреннюю рано у святыя Софеи в колоколы, а он в Киеве звон слыша. Аще и вещь душа в дерзе теле, но часто беды страдаше. Тому вещей Боян и первое припевку, смысленый, рече: «Ни хытру, ни горазду, ни пытьцю горазду суда божиа не минути».

О, стонати Руской земли, помянувше первую годину и первых князей! Того старого Владимира нельзе бе пригвоздити к горам киевским! Сего бо ныне сташа стязи Рюриковы, а друзии Давидовы, но розно ся им хоботы пашут, копия поют.

На Дунаи Ярославнын глас ся слышит, зегзицею незнаема рано кычеть: «Полечю — рече — зегзицею по Дунаеви, омочю бибрян рукав в Каяле реце; утру князю кровавья его раны на жестоцем его теле».

Ярославна рано плачет в Путивле на забрале, аркучи: «О, ветре, ветрило! Чему, господине, насильно веши! Чему мычеша хиновьскыя стрелкы на своею нетрудною крилицю на моя лады вои? Мало ли ти бяшет горе под облакы веяти, лелеючи корабли на сине море! Чему, господине, мое веселие по ковылию развея?»

Ярославна рано плачет Путивлю городу на забороле, аркучи: «О, Днепре Словутицю! Ты пробил еси каменныя горы сквозе землю Половецкую. Ты лелеял еси на себе Святославли носады до полку Кобякова. Возлелей, господине, мою ладу ко мне, а бых не слала к нему слез на море рано!»

Ярославна рано плачет в Путивле на забрале, аркучи: «Светлое и тресветлое солнце! Всем тепло и красно еси. Чему, господине, простре горячую свою лучю на ладе вои? В поле безводне жаждею имь лучи съпряже, тугою им тули затче?»

Прысну море полунощи; идут сморци
мьглами. Игореви князю бог путь кажет из земли
Половецкой на землю Рускую, к отню злату столу.
Погасоша вечеру зари. Игорь спит, Игорь бдит,
Игорь мыслию поля мерит от великаго Дону до
малаго Донца. Комонь в полуночи. Овлур свисну за
рекою; велить князю разумети. Князю Игорю не
быть! Кликну; стукну земля, вьшуме трава, вежи ся
половецкии подвизашася. А Игорь князь поскочи
горнастаем к тростию и белым гоголем на воду.
Въвержеся на борз комонь и скочи с него босым
волком. И потече к лугу Донца и полете соколом
под мьглами, избивая гуси и лебеди завтраку и
обеду и ужине. Коли Игорь соколом полете, тогда
Влур волком потече, труся собою студеную росу;
преторгоста бо своя борзая комоня.

Донец рече: «Княже Игорю! Не мало ти
величия, а Кончаку нелюбия, а Руской земли
веселиа!» Игорь рече: «О, Донче! Не мало ти
величия, лелеявшу князя на волнах, стлавшу ему
зелену траву на своих сребренных брезех, одевавшу
его теплыми мглами под сению зелену древу;
стрешаше его гоголем на воде, чайцами на струях,
чернядьми на ветрех». Не тако ли — рече — река
Стugna; худу струю имея, пожрвши чужи ручьи и
стругы ростре на кусту, уношу князю Ростиславу